

Переступив порог номера, Лу Цзюньсянь первым делом достал из шкафа вчерашнее одеяло и разложил его для Цзи Чэна прямо на полу.

Восторг внутри парня зашкаливал, но из-за своей маленькой хитрости он чувствовал легкий укол совести и изо всех сил пытался сохранить невозмутимый вид. Молча усевшись на подстеленное ложе, Цзи Чэн аккуратно укутался, развернул сценарий и погрузился в чтение с самым усердным видом, на какой только был способен.

Цзюньсянь присел рядом на корточки, чуть склонил голову набок и не удержался от мягкой улыбки.

Вообще-то он собирался успокоить юношу и сказать, что Фан Хуа покинет съемочную площадку со дня на день. Однако, видя такую сосредоточенность, решил не мешать и вернулся за письменный стол.

В комнате вновь раздался ритмичный стук клавиш. Цзи Чэн некоторое время прислушивался к этому звуку, а затем поднял взгляд на работающего продюсера. На душе стало легко и тепло.

«Одеяло на полу... Какое же это блаженство!»

Он погладил ладонью постель и окончательно сосредоточился на роли.

В ту ночь два трудоголика снова засиделись до темноты, хотя на этот раз и не так поздно.

Около часа ночи, закончив очередной смысловый абзац, Лу Цзюньсянь обернулся и увидел, что Цзи Чэн все еще не спит. Стало понятно: тот опять упрямо ждет его, хоть и молчит.

Завтра продюсер мог позволить себе поспать подольше, а вот у актера намечался плотный съемочный график. Ему отсыпаться было некогда.

Захлопнув крышку ноутбука, Цзюньсянь поднялся и мягко произнес:

— Я закончил. Ты спать?

Цзи Чэн тут же закрыл сценарий, который успел перечитать уже раза на три:

— Я тоже закончил. Как раз вовремя.

С этими словами он отложил бумаги, юркнул под одеяло и улегся на спину, всем своим видом показывая полную готовность ко сну.

«Надо же, как удачно совпало...» — иронично подумал продюсер.

Усмехнувшись, Цзюньсянь выключил свет и забрался на кровать. Заметив, что у юноши нет подушки, он бросил ему одну со своего изголовья.

— Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Цзи Чэн, не скрывая радости, удобнее уложил голову на подушке, сладко вздохнул и с полнейшим чувством удовлетворения закрыл глаза.

\*\*\*

Следующий день на съемках прошел без сучка и задоринки. У Фан Хуа по-прежнему было полно сцен, вечером он снова отправился спать рано, а Цзи Чэн... снова явился в номер Цзюньсяня со сценарием под мышкой. И снова весьма успешно.

Лу Цзюньсянь рассудил так: Фан Хуа все равно уезжает через пару дней, а юноша только-только втянулся в сумасшедший съемочный ритм, и рушить ему сон сейчас не стоит. К тому же Цзи Чэн вел себя исключительно тихо: беззвучно зубрил реплики, а ночью лежал не шелохнувшись и даже не сопел, так что нисколько не мешал.

Единственная перемена заключалась в том, что сам продюсер теперь ложился немного раньше обычного — исключительно ради режима своего подопечного.

Спустя три дня подобной практики Фан Хуа наконец отснял все свои эпизоды и приготовился к отъезду.

Актер чувствовал себя задетым. В последние дни он ложился рано и никак не мог помешать соседу, но Цзи Чэн все равно упрямо уходил ночевать в чужой номер.

«Когда я играл — я ему мешал, когда не играл — тоже мешал?!»

Не в силах проглотить обиду, Фан Хуа перед самым отъездом пустил среди местных любителей сплетен сочный слух: Цзи Чэн каждую ночь тайком бежит спать к учителю Лу.

Слухи на то и слухи, чтобы разлетаться мгновенно. Вскоре о пикантных разговорах узнали и сами виновники.

Цзюньсянь к подобному мусору относился прохладно — стоит получить хоть какую-то

известность, и сплетни начинают литься рекой, на все внимания не хватит. Но он опасался за парня. Тот только переступил порог шоу-бизнеса, да и сам по себе был человеком замкнутым, ранимым. Особенно когда молва так недвусмысленно намекает на его нетрадиционные предпочтения.

Цзи Чэн и вправду мрачнел с каждым часом. Вот только угнетало его не чужое злословие, а самоедство: из-за своего эгоизма он втянул Цзюньсяня в эту историю и доставшим проблемы.

Заметив смурную физиономию подопечного, продюсер окончательно убедился, что тот принимает все слишком близко к сердцу.

И Лу Цзюньсянь, никогда прежде не снисходивший до съемочных сплетен, решил вмешаться — дабы уберечь парня от лишнего стресса.

Он направился напрямик к источникам слухов — тем самым сотрудникам площадки, для которых жизнь без чужих секретов казалась серой и бессмысленной.

Продюсер не стал с порога доказывать, что между ним и Цзи Чэном ничего нет — это выглядело бы как неуклюжее оправдание. Вместо этого он с милой улыбкой завел разговор об их рабочей эффективности, ненавязчиво намекнув, что на площадке стоит поменьше чесать языками и побольше заниматься делом.

Сплетники, попавшиеся с поличным уже во второй раз, едва не сгорели от стыда. В прошлый раз Цзюньсянь ограничился холодным предупреждением, а тут устроил личный разговор. Все дружно закивали, как заведенные китайские болванчики.

Устраивать разнос продюсер не планировал — там, где есть люди, всегда будут сплетни. Он лишь мягко разъяснил ситуацию: Цзи Чэн ночевал у него только потому, что Фан Хуа по ночам оглушительно играл в видеоигры. Раз уж отъезжающий актер так любит поливать людей грязью, жалеть его репутацию Цзюньсянь не собирался и попутно добавил, что больше никогда не привлечет этого человека к своим проектам.

В завершение он подчеркнул, как усердно юноша учит роли и с какой отдачей работает каждый день — что видно по качеству дублей, — и призвал съемочную группу быть дружелюбнее к старательному новичку.

Любителям чесать языком было неимоверно неловко. Начни Цзюньсянь орать, они бы, возможно, затаили обиду, но его мягкий, уважительный тон заставил их чувствовать себя полнейшими ничтожествами. Они клятвенно пообещали держать рот на замке.

Впрочем, едва разговор окончился, обновленная версия истории мгновенно разлетелась по съемочной группе: «Цзи Чэн ночевал у продюсера Лу исключительно из-за того, что Фан Хуа устраивал по ночам игровой ад!»

Цзюньсянь именно этого и добивался. Людей не переделать за один день, но сменить вектор слухов вполне реально.

Звукоизоляция в отеле и впрямь оставляла желать лучшего. Актер из соседнего с Фан Хуа номера тут же горячо подтвердил: тот действительно орал по ночам как сумасшедший!

На этом эпопея с ночными визитами благополучно завершилась.

И все же, пусть народ и поверил, что между ними ничего нет, в умах многих укоренилась мысль: Цзи Чэн для продюсера Лу — персона особая. Что-то никто больше не бегал ночевать к господину продюсеру, стоит лишь соседу зашуметь!

Некоторые тут же вознамерились выслужить расположение юного актера.

Цзи Чэн, узнав, что Цзюньсянь лично ходил разбираться с болтунами, расстроился еще сильнее. Фан Хуа уехал, и парень изо всех сил судорожно изобретал повод, чтобы продолжить ночевать на полу. Но теперь, сгорая от стыда, вынужден был отказаться от этой затеи.

Съемки утреннего блока завершились, но до обеда оставалось еще немного времени. Выложившись на полную, Цзи Чэн почувствовал, как желудок скручивает от голода. Он уселся на раскладной табурет у края площадки, наблюдая за работой других актеров и мысленно моля богов о скорейшей раздаче еды.

Пока он мечтательно вздыхал, рядом кто-то пристроился.

Цзи Чэн косо глянул на пришельца. Это был исполнитель эпизодической роли — он играл избалованного барчука в текущем арке. Они даже пересекались в паре сцен, но для Цзи Чэна парень оставался абсолютным незнакомцем.

Лу Цзюньсянь ушел выгуливать Маомао и еще не вернулся, поэтому Цзи Чэн пребывал в отстраненно-мрачном настроении и быстро отвернулся обратно к камере.

Актер, собиравшийся дружелюбно поздороваться, осекся.

Зная о некоммуникабельности новичка, Кун Хао не стал обижаться. Он притащил еще один табурет и подсел вплотную.

— Слушай, Цзи Чэн, — понизив голос, заговорщически начал он. — Вы же с учителем Лу в хороших отношениях, да?

Услышав имя продюсера, парень насторожился и промолчал.

Кун Хао, заметив его ежистую реакцию, всплеснул руками:

— Да я не про сплетни, честно! Просто сам подойти к продюсеру стесняюсь, а у меня скоро последний съемочный день. Хотел узнать, нет ли у него еще каких проектов на примете?

В голове Цзи Чэна эта просьба мгновенно трансформировалась в одну короткую мысль: «Он хочет использовать меня как мостик к Цзюньсяню».

Ответ вызрел мгновенно. Он категорически не желал, чтобы посторонние люди досаждали продюсеру. Если человек так ценит возможности, почему сам не соберется с духом?

— Мы не близки. Хочешь что-то узнать — спроси сам, — отрезал Цзи Чэн и снова уставился на площадки.

Кун Хао оторопел.

«Каждую ночь спал в его номере и "не близки"? Кому ты врешь?!»

— Кхм... Ну а контакты учитель Лу у тебя есть? Мне как-то неловко в лоб спрашивать.

Цзи Чэн сжал губы. Внутри вспыхнуло глухое раздражение: почему все вокруг вечно пытаются выудить у него номер Цзюньсяня? С какой стати он должен раздавать направо и налево настолько ценные вещи?

— Нету, — ответил он, незаметно прижав карман, в котором лежал дешевый кнопочный телефон.

Кун Хао вздохнул. Было очевидно, что делиться с ним никто не собирается. Он-то думал легко выведать нужную информацию у неопытного первогодки, а тот оказался твердым, как булыжник.

— Ладно, проехали, — потеряв всякий интерес, Кун Хао поднялся и удалился.

Цзи Чэн остался сидеть, погруженный в мрачные мысли. Из-за того, что он ночевал в номере продюсера, над Цзюньсянем не только распускают слухи, но теперь еще и всякие пройдохи пытаются влезть к нему в доверие. Опять одни неприятности...

Из размышлений его вывел громкий клич ассистента: обед привезли!

Проголодавшийся парень мгновенно смахнул тоску, забрал свою порцию, вернулся на табуретку и принялся уплетать рис с овощами за обе щеки.

Вскоре вернулся Цзюньсянь с собакой. Получив свой лоток, он присел рядом.

Но едва продюсер собрался завести разговор, как с изумлением обнаружил, что порция Цзи Чэна уже опустела больше чем наполовину.

Продюсер даже оглянулся на остальных актеров, которые к этому моменту успели отщипнуть лишь по пару кусочков...

— Ты настолько голоден? — Цзюньсянь открыл свой бокс и осторожно отправлял в рот кубик тофу. На фоне орудующего ложкой парня его манеры выглядели вершиной аристократизма.

— Угу, — буркнул Цзи Чэн, не замедляя темпа.

Бешеный съемочный ритм сжигал калории моментально.

— Ешь медленнее, подавишься, — качнул головой продюсер.

Юноша кивнул, но скорости не сбавил. Буквально через полминуты на дне коробочки ничего не осталось.

Цзюньсянь посмотрел на свою порцию, из которой успел съесть лишь кусочек тофу. Он и раньше замечал отличный аппетит подопечного, но тут порция явна была мала для молодого, растущего организма.

Оценив объем оставшейся еды, продюсер спросил:

— Наелся?

Цзи Чэн замер, переваривая вопрос, и честно качнул головой.

Цзюньсянь не удержался от смешка. Проследив, как парень скребет ложкой по дну, он без колебаний протянул ему свой нетронутый обед.

— Не наелся — возьми еще. Почему молчал все эти дни? Во второй половине дня желудок не сводит?

Цзи Чэн отставил пустую коробку на землю, застенчиво посмотрел на продюсера, и его уши заметно покраснели.

— А как же вы?

— Я пойду возьму другой, — Цзюньсянь кивнул в сторону ассистентов, у которых еще оставалось несколько порций. На еду для группы он никогда не экономил.

Парень принял коробку, но есть не начинал — сидел и упрямо ждал.

Продюсер только вздохнул, сходил за новой порцией и вернулся на место:

— Ешь давай. Впредь, если не наедаешься, просто бери две порции, ничего страшного.

Убедившись, что старшему тоже досталась еда, Цзи Чэн продолжить трапезу. На этот раз — чуть менее торопливо.

Закончив обед, Цзюньсянь чесал Маомао за ухом и отстраненно заметил:

— Фан Хуа уехал, так что сегодня сможешь нормально выспаться в своем номер. Ложись пораньше.

Продюсер искренне полагал, что парню в одиночестве будет гораздо комфортнее — не придется подстраиваться под чужой график и ждать, пока освободятся.

Однако Цзи Чэн услышал в этих словах скрытый намек: его деликатно выставляют за дверь.

Впрочем, парень и сам решил больше не обузывать старшего, поэтому лишь молча кивнул.

В ту ночь Цзи Чэн действительно остался у себя. Он быстро вызубрил текст и рано лег в постель, но сон был рваным и беспокойным. В груди щемило — чего-то катастрофически не хватало.

Зато Лу Цзюньсянь, освободившись от гиперопеки над чужим режимом, поймал ночное вдохновение и просидел за компьютером до самого рассвета.

Утром продюсер просто не смог поднять голову с подушки. С трудом разомкнув веки, он отправлял Цзи Чэну короткое сообщение: «Иди на завтрак один».

Прочитав текст, парень почувствовал, как сердце камнем ушло в пятки.

«Хотя... так даже лучше, — убеждал он себя. — Без меня ему не нужно вставать спозаранку и тащиться на площадку. Он хотя бы отоспится».

Идти в одиночку в город в поисках еды не хотелось. Прибыв на площадку, где как раз заканчивали раздачу завтраков, Цзи Чэн забрал свою долю. Пока остальные съедали по одному

баоцзы и яйцу, он уселся на корточки и принялся поглощать тройную норму под изумленными взглядами коллег.

Его это ничуть не трогало — сытый желудок был превыше чужого мнения.

Быстро закончив, он отправился на грим.

Все утро Цзюньсянь так и не появился. За несколько часов Цзи Чэн не произнес ни единого слова, кроме реплик по сценарию и пары коротких «да/нет» в ответ на рабочие вопросы.

Юноша думал, что успел обжиться на площадке, но лишь теперь осознал: он привык не к съемкам вообще, а к съемкам рядом с Лу Цзюньсянем.

В последние дни его часто хвалили за актерскую игру, пророча большое будущее. Он и сам начал верить в свой талант, но сейчас вдруг понял: если в проекте не будет Цзюньсяня, вся эта суета потеряет для него всякий смысл.

В перерыве он сидел на табурете и угрюмо размышлял об абстрактном будущем.

Здесь было слишком шумно, слишком много людей пытались заговорить с ним без всякой причины. Куда проще работать курьером: взял заказ, привез, отдал — ни лишних слов, ни фальшивых улыбок.

Или вернуться к истокам и устроиться в ветеринарную клинику. Животные куда лучше людей — они искренние, дарят тепло и не плетут интриг.

Или... стать личным ассистентом Лу Цзюньсяня.

Как ни крути, все его мысли неизменно возвращались к этому пункту.

Цзюньсянь сам говорил: если не найдет работу, пусть приходит к нему ассистентом. Цзи Чэн помнил эти слова наизусть.

Это была бы идеальная работа. Потому что там был Цзюньсянь.

Во второй половине дня продюсер наконец добрался до площадки. Заметив его, Цзи Чэн мгновенно преобразился, за секунду выдав такой сгусток эмоций, что сорвал дубль.

Вообще-то он ошибался редко, но режиссер Юй Цзыцунь четко увидел в объективе, как взгляд парня заскользил куда-то в сторону. Обернувшись, он обнаружил виновника — явившегося Цзюньсяня.



Режиссер тут же закипел. Этот пацан на словах отрекается от связей с продюсером, а у самого все на лобе написано, да еще и кадры портит!

Юй Цзыцунь сорвался на громкую критику.

Цзи Чэн пропустил ругань мимо ушей, но, не желая разочаровывать подопечного, моментально собрался и идеально отработал следующий дубль.

Цзюньсянь издали показал ему большой палец.

Съемки продолжились. Продюсер опустился на привычный табурет и тут же почувствовал, как чугунная голова накренилась. Он даже не успел сообразить, что происходит, как земля ушла из-под ног, а вокруг вспыхнул многоголосый панический крик.

Цзи Чэн, сосредоточенно отыгрывавший сцену, услышал вопль: «Учитель Лу упал в обморок!»

В голове у парня словно грохнул взрыв. Сорвавшись с места, он мгновенно пересек площадку. На площадке царил хаос, все бежали к продюсеру, так что безумный рывок Цзи Чэна никто не заметил.

Вокруг упавшего уже образовалась толпа. Юй Цзыцунь пробился сквозь людское кольцо и приподнял друга.

Цзюньсянь на самом деле не отключился окончательно — сознание плавало где-то на грани. С трудом разлепив веки и увидав над собой десятки испуганных лиц, он слабо повел рукой.

— Разошлись все! Дайте воздух! — рявкнул подоспевший Цзи Чэн с абсолютно белым от ярости лицом.

— Расступились, расступились! Занимайтесь делом! — поддержал режиссер.

Толпа неохотно отхлынула, освободив немного пространства.

Кто-то уже тащил раскладное кресло. Юй Цзыцунь осторожно перенес туда продюсера.

Цзи Чэн упал на колени рядом и протянул руку к лбу старшего.

— Не трогай! — Юй Цзыцунь тут же перехватил его запястье. — Народу полно, опять сплетни распустили!

Парень посмотрел на него ледяным, убийственным взглядом:

— Я учился на врача!

— А... — режиссер моментально сдулся и вернул руку парня на лоб Цзюньсяня.

Цзи Чэн:...

Отлежавшись, Цзюньсянь немного пришел в себя. Он открыл глаза и слабо сжал пальцы парня:

— Все в порядке... Просто сахар упал.

Юноша кивнул и, повернувшись к присутствующим, с надеждой спросил:

— У кого-нибудь есть конфеты?

— У меня шоколадка! — к креслу подскочил Мэн Гэ, доставая из кармана целую плитку «Dove».

Он последнее время часто крутился на площадке под предлогом «учебы», так что на его присутствие никто не обратил внимания.

Юй Цзыцюнь выхватил плитку, развернул и отломил кусочек, засунув его в рот Цзюньсяню.

Продюсер покорно сосал шоколад, сложив пальцы в знак «ОК».

— Все, расход! Человек в порядке, нечего тут глазеть, — размахивая руками, разогнал всех режиссер.

Когда съемочная группа рассредоточилась, Юй Цзыцюнь достал салфетки и заботливо отер холодный пот со лба друга.

Мэн Гэ, наблюдавший за этой картиной, притащил табуретку, уселся рядом и подпер подбородок ладонью, молча уставившись на режиссера.

Юй Цзыцюнь внезапно почувствовал, как загрибок колет иголками. Занервничав под этим пристальным взглядом, он неловко спрятал салфетки.

«Котеныш приревновал», — догадался он.

— Ты чего это? Не выспался? Или не поел? — поинтересовался режиссер у Цзюньсяня, пытаясь

разрядить обстановку.

Продюсер прикрыл глаза ладонью и сдавленно пробормотал:

— Ночная смена за компьютером.

— Знаешь же, к чему это приводит, и все равно сидишь, — ворчливо отозвался Юй Цзыцунь, отламывая еще кусочек шоколада.

— Больше не буду.

Приоткрыв глаз, Цзюньсянь заметил сидевшего рядом Мэн Гэ и махнул другу рукой — мол, проваливай к своему парню, не мозоль глаза.

— Мне лучше. Иди работай, не сбивай график.

Режиссер бросил взгляд на площадки, где актеры уже расслабленно болтали.

— Ты иди, я посижу, — предложил Мэн Гэ.

Продюсер снова настойчиво качнул головой, выгоняя их обоих.

Юй Цзыцунь убедился, что другу действительно лучше, взъерошил шевелюру Мэн Гэ — на площадке целоваться было не с руки, пришлось ограничиться этим жестом — и ушел на позицию.

Возле кресла остались только Цзюньсянь и Мэн Гэ.

Продюсер ждал, что юноша начнет расспросы — обычно действующие партнеры остро реагируют на гиперопеку к бывшим. Но, к его удивлению, Мэн Гэ просто тихо сидел рядом и бдительно караулил его покой.

Цзюньсянь чуть не улыбнулся: «А он милый».

— Иди к нему, я правда в норме, — продюсер сел, глубоко вдохнув. Голова наконец прояснилась.

Однако на площадке съемки так и не начались.

Не успел Мэн Гэ ответить, как к ним на всех парах прилетел разъяренный Юй Цзыцунь:

— Где Цзи Чэн?! Куда этот паршивец делся?! Кто-нибудь его видел?!

Цзюньсянь застыл, а потом резко поднялся.

Он помнил, что сквозь пелену обморока видел парня рядом, но потом отвлекся и решил, что тот вернулся на позицию. Как взрослый человек мог испариться за пару минут?!

Площадка гудела — все искали Цзи Чэна, но никто не видел, куда он ушел. В общей суматохе на его исчезновение просто не обратили внимания.

Цзюньсянь вытащил телефон и набрал номер подопечного, не надеясь, что тот взял мобильник в костюме.

К его облегчению, на том конце быстро сняли трубку.

— Цзи Чэн, ты где? — выдохнул продюсер.

«Я отошел купить кое-что. Вам лучше?» — раздался спокойный, но пропитанный тревогой голос.

Однако на этот раз забота не смягчила сердце Цзюньсяня. В нем закипело редкое раздражение.

— Что тебе понадобилось прямо сейчас?! Идут съемки, ты ушел никому не сказав, вся группа тебя ищет и ждет! Это по-твоему нормально?!

Тон продюсера оставался ровным, но парень мгновенно уловил витающую в воздухе ярость. На том конце провода повисла виноватая тишина.

— Я... я уже иду назад, — тихо пробормотал Цзи Чэн и отключился.

Цзюньсянь сбросил звонок, чувствуя, как внутри все горит. Поведение юноши казалось ему невероятно безалаберным. Не любить общение, быть букой — это одно, но бросать работу без предупреждения — сойти с ума можно!

Попросив режиссера пока снимать сцены других актеров, продюсер опустился обратно в кресло, потирая виски. Как прививать человеку командную ответственность?

Спустя пять минут перед ним появился Цзи Чэн. В руках он сжимал небольшой фирменный пакет местного минимаркета.

Продюсер глубоко вдохнул, не поднимаясь с места.

Парень, игнорируя недоуменные взгляды коллег, сгорая от страха, подошел к Цзюньсяню. Он напоминал школьника, нашкодившего перед строгим директором: голова опущена, пальцы нервно терли ручки пакета.

Видя этот несчастный вид, продюсер чувствовал, как гнев начинает уступать место усталости.

— И что ты купил? — попытался он спросить без строгих интонаций.

Парень молча приоткрыл пакет и ткнул его прямо в лицо Цзюньсяню.

Продюсер:...

Он недоуменно заглянул внутрь: две булки и одна чупа-чупс.

— Ты что, проголодался? — вздохнул Цзюньсянь, зная аппетит подопечного. За голод он бы ругать не стал.

— Нет, — тихим, но твердым голосом отозвался Цзи Чэн. — В шоколаде слишком мало чистого сахара. При резком приступе гипогликемии он помогает плохо. Я побоялся, что вам станет хуже, и побежал за нормальными конфетами.

Продюсер застыл, будто получил удар под дых. Все приготовленные нотации мигом вылетели из головы.

А Цзи Чэн, еле слышно, продолжил:

— Вы же наверняка не застряли... Поешьте хотя бы булочку. Я... я был в костюме и забыл деньги, поэтому взял в долг у продавца. Мне надо сходить отдать.

Второй удар пришелся точно в цель. Цзюньсянь прекрасно знал, насколько парень не переваривает контакты с незнакомцами. И как, скажите на милость, этот дикарь сумел уговорить чужого торговца отдать ему товар без денег?!

Сколько стыда он перенес? Скольких усилий ему это стоило?

Сердце продюсера сжалось от щемящей нежности. Вся злость испарилась без следа.

— Я в порядке. Просто переутомился из-за ночной работы... Спасибо тебе.

Он протянул руку и мягко взъерошил волосы юноши.

Цзи Чэн насупился:

— До сколько вы сидели?

— До четырех или пяти утра, — со вздохом признался продюсер.

«Так вот почему он не вставал по утрам... Я-то думал, он просто отсыпается, а он только ложился!»

Эта мысль мгновенно разбудила в парне былые надежды. Уши его вспыхнули ярким кумачом.

— Это очень вредно, — пробурчал он.

— Знаю. Иногда просто теряешь счет времени.

Цзюньсянь поднялся с кресла:

— Деньги с собой? Пошли, отдадим долг.

Парень кивнул и бросил виноватый взгляд на площадки, где уже возобновились съемки. Помни слова Цзюньсяня из телефонного разговора, он неловко пробормотал:

— Простите... Я не подумал, что съемки возобновят так быстро. В следующий раз я обязательно предупрежу.

Продюсер понял: парень ушел в тот момент, когда вокруг него суежилась толпа, решив, что процесс все равно остановлен, и просто побежал за сахаром.

— Забыли. Главное — ты все понял, — Цзюньсянь слегка хлопнул его по плечу, ругая себя за излишнюю резкость.

Цзи Чэн, убедившись, что гроза миновала, аккуратно достал из пакета леденец:

— Съешьте сейчас. Нужно поднять сахар.

Продюсер не стал спорить, развернул обертку и отправил конфету в рот. Парень смотрел на это с глубочайшим чувством выполненного долга.

Они неспешно покинули съемочный комплекс. Приблизившись к магазинчику, Цзюньсянь похлопал по карманам и с досадой обнаружил, что не взял наличные. Пришлось доставать смартфон.

— Тут же можно через Alipay?

— Да, — кивнул Цзи Чэн. — Хозяин говорил про мобильную оплату.

Продюсер мысленно охнул.

«У него же старый кнопчик! Какая еще мобильная оплата?!»

Он отчетливо представил, как суровый парень с ледяным лицом вытаскивает древний «кирпич», доказывая, что у него нет интернета, а пораженный торговец смотрит на него, как на инопланетянина. Наверное, именно благодаря этому раритету ему и поверили!

Они вошли в лавку. За стойкой сидел мужик крепкого телосложения с довольно суровым лицом. Не будь Цзи Чэн сам похож на мрачного головореза, вряд ли он решился бы просить у такого в долг.

Увидев гостей, хозяин просиял:

— О! И впрямь учитель Лу! А я-то думал, парень заливает! Он мне говорит: "Я из группы господина Лу", а я смотрю на костюм — ну точно, киношный!

Цзи Чэн моментально густо покраснел и уставился в пол.

— Извините за беспокойство, он просто торопился, — мягко улыбнулся Цзюньсянь, сканируя QR-код. — Спасибо вам большое.

Расплатившись, они вышли на улицу.

— Я съел кучу ваших обедов и задолжал кучу денег, — серьезно проговорил Цзи Чэн. — Вычтите из моей зарплаты.

Продюсер фыркнул:

— Я что, на мели, по-твоему?

— Тогда я буду часто угощать вас едой, — не отступал юноша.

— Договорились, — засмеялся Цзюньсянь и скосил глаз на подопечного: — "Из группы учитель Лу", говоришь? И часто ты так гордо представляешься?

Уши Цзи Чэна пылали, он упрямо смотрел прямо перед собой, но четко чеканил:

— Гордо.

Цзюньсянь не удержался и от души расхохотался.

На обратном пути к ним внезапно выскочила стайка девушек:

— Цзи Чэн! Это же реально Цзи Чэн!

Фанатски визжа, девчонки замерли перед актером. Если бы они не знали, что неподалеку идет работа над «Императорскими тайными агентами», то никогда бы не признали в этом парне восходящую звезду.

Цзи Чэн от неожиданности застыл истуканом.

Цзюньсянь слегка подтолкнул его в бок и шепнул:

— Это твои поклонницы. Не бойся, будь дружелюбнее, они же тебя любят.

Слова старшего подействовали как бальзам. Напряжение спало, и Цзи Чэн чинно кивнул девушкам.

— Учитель Лу, здравствуйте! Цзи Чэн, привет!

Девушки по очереди протягивали руки. Продюсер с улыбкой отвечал на рукопожатия, и Цзи Чэн, скрупулезно повторяя за ним, пожал ладошку каждой.

— Вы тут на каникулах? — поинтересовался Цзюньсянь.

— Ага, зимние каникулы! Мы вообще не ожидали вас встретить! Цзи Чэн, мы от тебя просто без ума!

Девушка смотрела на него восторженными глазами, хотя про себя недоумевала: на фото в сети этот парень выглядел воплощением солнца и жизнерадостности! Почему он сейчас стоит с таким суровым лицом? Неужели они его напугали?



Сбавив обороты, поклонницы скромно попросили:

— А можно сфотографироваться?

— Конечно, — Цзюньсянь великодушно отошел в сторону, уступая место фанаткам, и вызвался быть фотографом.

Оказавшись в кольце девчонок, Цзи Чэн окончательно одеревенел. Он вытянул руки по швам и бокался шелохнуться.

Глядя на эту картину через экран смартфона, Цзюньсянь еле сдерживал смех:

— А теперь улыбочку!

Это был скрытый сигнал.

Цзи Чэн мгновенно выдал безупречную, ослепительную улыбку на все тридцать два зуба.

Девушки пришли в неопишуемый восторг — ну точно, тот самый лучезарный парень с картинок!

Попрощавшись, фанатки тут же выложили свежие кадры в Вейбо:

[А-а-а! Гуляли по киностудии Цзиньши и встретили Цзи Чэна! Он был прямо в костюме младшего принца! Мы так орали, что, кажется, напугали его до смерти, ха-ха-ха! Какой же он милашка!]

Фандом взорвался мгновенно:

[Живой Чэнчэн! Все, бросаю все, лечу в Цзиньши!]

[Боже, каков джентльмен! Вы гляньте на его «джентльменские ручки»!]

[Реально! По швам вжал, чтобы никого не задеть! Уважение!]

[Народ, вы чего... Вам не кажется, что у него на всех фото тупо одна и та же поза?]

[Ой, отвали! Это джентльменский жест!]

[Да его просто до смерти напугали, вы чего...]

Разумеется, никакой «джентльменской выправки» там не было — парень действительно просто перепугался. Но фанатский фильтр способен превратить любую панику в изысканный этикет.

Вернувшись на площадку, Цзи Чэн попал прямо в руки режиссера. Юй Цзыцюнь лично уволок его на исходную позицию, ворча и ругаясь для порядка. Впрочем, на этот раз актер смиренно принимал все упреки.

Смягчившись, режиссер между делом спросил:

— Ты реально на врача учился?

— Угу. На ветеринара.

Юй Цзыцюнь:...

«Пёс тебя побери! Ветеринар?! Какого черта ты лезешь осматривать Цзюньсяня?! Он тебе что, животное?!»

\*\*\*

#### Мини-театр 1

Юй Цзыцюнь: Цзюньсянь не скотина! Ветеринарам там делать нечего!

Цзи Чэн (холодно): Пока нет. Но скоро он станет моим.

Юй Цзыцюнь: [Скончался от инфаркта]

\*\*\*

#### Мини-театр 2

Фанаты: Чэнчэн такой улыбчивый!~

Цзи Чэн: [Ледяная мина]

Фанаты: Чэнчэн такой милашка!~

Цзи Чэн: [Убийственный взгляд]

Фанаты: Чэнчэн такой плакса...

Цзи Чэн: Неправда! Вы все врете!

Лу Цзюньсянь: Сначала сопли вытри, потом доказывай.

<http://bllate.org/book/20688/2146618>